

— Почему он не пришел? В прошлый раз он не закончил рассказ.

Сяо Цзинь наконец понял, что Мужун Цзиньси говорила не о Е Синьюй, которая играла в игры наверху, а о Е Синьяне, который сражался с трудностями где-то за пределами дома.

— Ты скучаешь по нему?

Мужун Цзиньси, сидя на краю кровати, сосредоточенно ковыряла ногти, опустив голову.

— С ним что-то случилось.

Эти слова, произнесенные ею, заставили Сяо Цзинь вздрогнуть.

— Кто тебе это сказал?

Мужун Цзиньси посмотрела на него, и в ее больших черных глазах появились слезы.

— Правда?

— Не правда. Он просто очень занят.

Сяо Цзинь задумался, как объяснить ситуацию, но не успел продолжить, как Мужун Цзиньси снова заговорила.

— Тогда пусть придет. Я нарисовала для него картину. Пусть придет и посмотрит.

— Сяо Си, есть вещи, которые ты не понимаешь, но он не твоя невестка.

— Что?

В глазах Мужун Цзиньси отразилось замешательство.

Сяо Цзинь указал наверх.

— Твоя невестка сейчас живет наверху...

Ситуация была действительно запутанной, и он не знал, как лучше объяснить.

— В общем, раз она здесь, Е Синьянь больше не может появляться в этом доме.

— Почему?

— Просто так. Это как то, что ты не можешь выйти из виллы. Он больше не может приходить в резиденцию маршала.

Мужун Цзиньси опустила голову, и ее простой ум пытался осмыслить сказанное.

— Сяо Си, Сяо Си...

Сяо Цзинь позвал ее несколько раз, прежде чем она подняла голову.

— Кто сказал, что с Е Синьянем что-то случилось?

— Та женщина.

Никто не объяснил ей, как обращаться к Е Синьюй.

— Сяо Цзинь!

Громко позвал Мужун Цзиньнань.

Сяо Цзинь сразу же вышел из комнаты Мужун Цзиньси. Она же выглянула за дверь, наблюдая за происходящим.

Мужун Цзиньнань спустился с верхнего этажа, бросил взгляд на Сяо Си, словно колебался, но в итоге ничего не сказал, лишь поманил Сяо Цзиня.

— Готовь машину. Едем.

Отец Мужун Цзиньнаня проходил секретное лечение. Мужун Цзиньнань получил известие, что состояние маршала ухудшилось. Эту информацию нужно было держать в строжайшей тайне, чтобы ни одна капля слухов не просочилась наружу.

Е Синьюй, опершись на перила, смотрела сверху вниз. Она свистнула Мужун Цзиньси. Та посмотрела на нее.

— Твой брат так спешно уехал. Что случилось?

Мужун Цзиньси некоторое время смотрела на нее, прежде чем медленно ответить:

— Не знаю.

— Это связано с работой?

— Не знаю.

— Ты вообще что-нибудь знаешь?

Е Синьюй раздраженно крикнула.

Сяо Дин не выдержал.

— Молодая госпожа, есть вещи, о которых я не хотел говорить. Вы здесь недавно, и мне стоит напомнить вам, что в этом доме самое главное — не болтать лишнего. Не задавайте вопросов, которые не следует задавать, не говорите того, что не следует говорить, и не слушайте того, что не следует слушать.

— Ты смеешь называть меня болтушкой!

Е Синьюй указала на него с возмущением.

Сяо Дин, напротив, сохранял спокойствие.

— Как я смею называть вас так? Я лишь даю добрый совет. Не так ли, Сяо Си?

— Да.

Мужун Цзиньси поняла, что Сяо Дин защищает ее, и ее настроение немного улучшилось.

Когда Мужун Цзиньнань добрался до отца, его старший брат Мужун Цинтянь уже был там.

Мужун Ле сидел, опершись на изголовье кровати, его лицо выглядело нездоровым, и прежняя властность исчезла.

Он слегка нахмурился.

— Зачем вы все сюда пришли? Если второй еще не выехал, пусть не приезжает.

Мужун Ле указал на чашку рядом. Хань Вэньсинь поспешила подать ее, помогая ему сделать несколько глотков.

— Невестки еще не знают, что ты заболел.

— И правильно, что не знают.

Помолчав, Мужун Ле вдруг громко рассмеялся.

— Я прожил жизнь не зря. Просто не думал, что так скоро окажусь на пороге смерти.

У маршала был рак на поздней стадии, и когда его обнаружили, стало ясно, что его жизнь подходит к концу.

Мужун Ле посмотрел на старшего сына, затем перевел взгляд на младшего и с глубоким чувством сказал:

— Старший хорош в управлении войсками, в их организации, он полностью посвятил себя этому, и его заслуги неоспоримы. Второй же все время посвящает изучению оружия, дни напролет проводит в исследованиях, даже его жена говорит, что он ближе к пушкам и ружьям, чем к ней. Третий обладает наибольшими политическими способностями, будь то управление государством, командование армией или дипломатия — он превосходит всех и является идеальным преемником. Вы, трое братьев, словно сговорились. Нет внутренней борьбы, нет конфликтов, вы помогаете друг другу, поддерживаете друг друга. Это благословение, которое я, Мужун Ле, заслужил за многие жизни. Смеею сказать, что с древних времен ни в одной династии знатные семьи не обходились без борьбы за власть, но вы, братья, демонстрируете настоящую дружбу и уважение.

Мужун Цинтянь сказал:

— Отец, все это благодаря вашему воспитанию и заслугам матери. Вы отдохните, а внешние дела оставьте нам.

Мужун Ле кивнул.

— Внешние дела действительно теперь только на вас. В такое важное время я свалился, оставив кучу проблем вашему младшему брату.

— Отец, не волнуйтесь. Я и второй брат сделаем все, чтобы помочь третьему, чтобы Юйцзинь стал еще процветаннее.

— Третий, ты во всем хорош, только слишком упрям. Я во всем тебе доверяю, но есть одна вещь... С этим мужчиной пора покончить. Старик я уже, скоро умру. Если ты не захочешь с ним расстаться, у меня есть способы удалить его из твоей жизни, даже если я умру, твои братья проследят за этим.

Мужун Цзиньнань не спешил отвечать отцу. Он помолчал, затем спокойно сказал:

— Отец, если я скажу вам, что этот человек ради меня, ради Юйцзиня, ради страны и народа готов пойти в неизвестный ад, рискуя жизнью, даже готовый столкнуться с мучительной смертью, вы все еще считаете, что он недостойн быть вашим зятем?

Мужун Цзиньнань и Мужун Ле смотрели друг на друга, и в их взглядах, помимо решимости, читалась глубокая боль и печаль. Мужун Ле понимал, что сын переживает за того человека, защищает его.

Слова Мужун Ле звучали так же холодно, как и его губы.

— Я не знаю, что он делает, какие жертвы приносит, но он военный, и это его долг.

— Отец!

Мужун Цзиньнань сжал кулаки. Он всем сердцем хотел сделать того человека счастливым, но вынужден был смотреть, как тот идет на риск.

— Ничто не должно быть обязательным.

Мужун Цзиньнань, казалось, успокоился, но его голос стал холоднее.

— Третий.

Мужун Цинтянь не хотел, чтобы он говорил что-то, что могло бы рассердить отца.

Но Мужун Цзиньнань словно не слышал его, продолжая смотреть на отца с твердостью.

— Он не заслуживает такой жизни. Я обещал ему многое, но не смог выполнить, кроме одного — я сделаю все, чтобы он был счастлив, чего бы это ни стоило.

— Третий!

Мужун Цинтянь сказал с укором.

— Его счастье — это и мое счастье.

— По сравнению с Юйцзином, моему сыну счастье не нужно.

Сказал Мужун Ле.

— Я докажу, что мое счастье и моя ответственность не противоречат друг другу.

С этими словами Мужун Цзиньнань направился к двери.

Когда он уже выходил, Мужун Ле сказал:

— Мне осталось недолго. Делай, что хочешь, но помни, не позволяй личным чувствам ослепить тебя. Тот, кто хочет добиться великого, должен быть беспощадным.

Мужун Цзиньнань больше ничего не сказал, лишь на мгновение задержался у двери, прежде чем выйти.

Сев в машину, он приказал Сяо Цзиню ехать в военный штаб. Его настроение было не из лучших, но у него не было времени разбираться с эмоциями. Сейчас было слишком много дел,

особенно связанных с Е Синьянем, где многое оставалось неизвестным. Он мог лишь по возможности помогать ему в тени, но как будут развиваться события, никто не мог предсказать.

Сяо Цзинь, сидя за рулем, изредка поглядывал на лицо молодого маршала в зеркало заднего вида, размышляя, стоит ли говорить то, что у него на уме.

<http://bllate.org/book/16152/1447145>